

РАЗГОВОР ИЗ ПЯТИ УГЛОВ Угол третий

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 2000

Вита и Митя!

На Ваши “письма” попробую ответить, но не знаю — получится ли. Что такое виртуальность / возможный мир — знает лишь тот, кто есть время и пространство в их совокупности. Напомню Булгакова: “И в этом ты ошибаешься, — светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант, — согласишься, что перерезать волосок уж наверное может лишь тот, кто подвесил?”

Такой подход мне очень нравится, и, может быть, потому, что отсылка к тому, кто подвесил, позволяет опереться на молчание даже перед самим собой. Но, понимаю, это не выход. И придется все-таки вступить в ряды тех, о которых Дионисий Ареопагит, говорил, что “... они не сразу вопрошают: “Отчего червлены ризы Твои?”... — но сначала в недоумении задают вопрос сами себе, тем обнаруживая, что хотят научиться и стремятся к познанию божественных дел, однако, не предвзято озарения, даруемого лишь по божественном выступлении”.

Для меня виртуальность / возможный мир — это мое проективное (проекционное / прожективное) состояние, то сверхъестественное внутреннее воздействие, о котором, ссылаясь на Канта, писал М. Мамардашвили. И самое важное: он считал, что “обычные состояния человека несамодостаточны”, и посему необходимо некое искусство “... для того, чтобы делались и существовали вполне определенные вещи”. Иными словами, виртуальность есть не что иное, как мое искусство быть мудрым (по мере возможности), искусство эндопостроения (себя) и экзопостроения (других и другого). Ментальные вещи, создаваемые моим искусством, — это креативные вещи, вынужденно редуцированные — перспективно и ретроспективно — в силу парцеллированности / отдельности каждого индивидуального сознания, которому не под силу (наверное, к нашему же благу) “фиксировать” и “запоминать” все изменения, происходящие с нами в процессе анагенезиса. Ментальные вещи — это и ретенция, и репродукция (по Гуссерлю), существующие в настоящем, и лишь в настоящем. Хотя она (Гуссерль) и писал, что необходимо “... различать ощущаемое временное и воспринимаемое временное”, причем “последнее означает объективное время”, а “первое... не есть само объективное время (или место в объективном времени), но феноменологическое данное, посредством эмпирического

схватывания коего конституируется отношение к объективному времени. Темпоральные данные, если угодно, темпоральные знаки не суть сами *tempora*”, меня смущает именно процесс “схватывания”: могу ли я “схватить” пространственную непрерывность и непрерывность времени западного Средневековья, о которой пишет, например, Жак Ле Гофф? Могу ли я “схватить” как феноменологическое данное хронотоп дзэнского пути (отсылаю в этой связи к *Zen Flesh, Zen Bones. A Collection of Zen and Pre-Zen Writings. Compiled by P. Reys. Rutland, Vermont, Tokyo, Japan, 1957*), а тем более суть парадоксов, через которые проходит этот путь? “Схватываю” ли я суть аипоты Л. Латынина “Спящий во время жатвы” (см.: Л. Латынин. Спящий во время жатвы. Ставр и Сара. М., 1999) и в каком качестве — первичного / исходного феноменологически данного или вторичного / репродуцирующего? Или виртуальность не может быть ни первичной, ни вторичной, ибо не является темпоральным знаком? Но чем тогда она является? Приготовлением к “креативной вспышке” (К. Лоренц), ингерентно присущим нам автопознанием мысли (Х. Матурана)?

И еще об одном — не менее важном: о рефлексивном поле Я, осмысливающим темпоральное состояние. Оно является усилием, стремящимся проследить за переходом / скольжением от одного временного промежутка к другому. Вот настоящее в его ежесекундном предъявлении, но через 30 секунд настоящее переходит в прошлое, хотя я и не могу сказать, что “ушел” из настоящего. Я в нем, хотя прошло два с половиной часа. Я не ощущаю ни разрыва между настоящим и прошлым, ни перехода от одного к другому. И какое из них виртуальнее — первое или второе? Или третье — будущее? Ведь оно тоже безразрывно, тоже накатывается на настоящее, актуализируясь / пресуществляясь в нем. Где существует “Хаджи Мурат” Л. Толстого? В каком хронотопическом зазоре он существует? Может быть, “Хаджи Мурат” — это мир таких когитальных / интендируемых (по Мамардашвили) объектов и событий, для которых безразличны время и пространство их существования, точнее говоря, они совмещают в себе признаки любого времени и пространства. Виртуальна или реальна “Смерть Ивана Ильича”, виртуальны или реальны “Голоса” В. Маканина? И как понимать в этом случае виртуальность и реальность? Первая — лишь возможность существования хронотопического резонанса (во мне и в другом), вторая — его совпадение во мне и в другом (в том или ином тексте)?

Виртуальность предполагает наличие и неvirtуальности / антиvirtуальности (отнодь не тождественной реальности). И не потому, что с бинарностью чувствуешь себя увереннее, а из-за неоспоримой частотности неvirtуальности / антиvirtуальности: “Тарзан” и “Индийская

гробница” — два показательных в этом отношении примера как проектов, старающихся показать свою убедительность. И уфологический пример: статья “Жертва эксперимента” (В. Шелепов. Совершенно секретно, N 4 (131), 2000, с. 22-23), в которой обсуждается проект деконструкции (и Деррида тут ни при чем) человеческой расы. Вы возразите: “Да это же примеры виртуальности!” С возражением не соглашусь: не хватает психического / спонтанно согласиться с обсуждаемой деконструкцией. Не хватает веры в нее. Словом, виртуальность оказывается синонимом веры / доверия, усиливаемой / усиливаемого мощностью и глубиной непрозрачных метафор, указывающих также и приемлемость топологических координат, предлагаемых “новым миром”. Именно избыток подтекстового и затекстового резонанса обеспечивает выживаемость антиутопий Замятина и Хаксли. И, заметьте, их “виртуальные игры” “приходят” к нам из далекого прошлого, но такого, которое вслед за М. Мамардашвили (и Прустом) следовало бы считать “резервуаром несбывшихся переживаний”. Следовательно, оно возвращается для завершения в будущем, являющемся нашим настоящим и не совпадающим с тофлеровским, оглядываемым, прежде всего, на сбывшиеся переживания.

Если считать, что “мир не простое скопление наличествующих счетных и несчетных, знакомых и незнакомых вещей. Но мир — это и не воображаемая рамка, добавляемая к сумме всего наличествующего. Мир бытийствует, и в своем бытийствовании он бытийнее всего того осязаемого и внятного, что мы принимаем за родное себе. Мир никогда не бывает предметом, который стоит перед нами, который мы можем созерцать. Мир есть то непредметное, чему мы подвластны...” (М. Хайдеггер), то тогда следует полагать, что виртуальность (и не виртуальность) как тотальная непредметность — это, прежде всего, совокупность темпоральных регистров (а мы их голограмма?).

“Мелкая философия на глубоких местах”, — скажете Вы. Не буду отрицать и защищаться. Лишь скажу, что “снега былых времен” и будущих представимы в моем кунцевском углу лишь как снега настоящего, в котором следствие не соотнесено с причиной, а эксплицитная логика обыденности имплицитно иррациональна. И еще я повторяю дзэн-буддийское: “Здесь — это сфера изменений, пресуществлений, перемен. С помощью перемен избавляются от них самих”.

P.S. Не знаю, согласитесь ли Вы с тем, что прецеденты (и прецедентные ситуации) суть знаки исчерпавшей себя виртуальности, проблематические знаки, превратившиеся в ассерторические и аподиктические. И, следовательно, с тем, что виртуальность есть не что иное, как неverified кафоличность.